

A portrait of a man with short dark hair and a light beard, wearing a dark pinstriped suit jacket, a white dress shirt, and a red bow tie. He is looking directly at the camera with a neutral expression. The background is dark and out of focus, with some bokeh lights on the left side.

Личная конституция Ильи Никифорова

Управляющий партнер Адвокатского бюро
«Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры»,
48 лет, Санкт-Петербург

В дошкольном возрасте жил во Владивостоке. Родителей туда направили в длительную командировку. Перед моим первым школьным сентябрем мы выбрались в поход на пустынное побережье Приморского края. Жили в палатке на берегу моря. Ночью вокруг палатки кто-то ходил и утробно урчал. Утром глядим: тропа вытоптана по кругу в радиусе двух-трех метров от палатки. Местные жители сказали: «Это либо тигры, либо нерпы. Последние могут выбираться на берег и подражать тигриному рыку». Буднично так сказали, как будто это одно и то же.

У меня родители — компьютерщики. В техническую школу я пошел потому, что все, чему там учили, я уже знал. И конечно, чтобы иметь профессию в руках и возможность зарабатывать на кусок хлеба.

В кругу семьи меня убедили, что по складу я — прирожденный гуманитарий. А магистральной стезей для себя видел некое гуманитарное поприще. Это мог быть журналист, какая-то пишущая братия. Главная гуманитарная школа в Петербурге — Санкт-Петербургский университет. Из всех гуманитарных факультетов — юрфак. Он мне показался наиболее практичным. Но, когда стал учиться, постепенно юридическая материя меня захватила и я почувствовал, что это мое. И в своей логической части она близка к программированию.

Мне все было интересно и все было нужно. Даже физкультура. У нас был выбор, на какое направление пойти — плавание, баскетбол, легкая атлетика. Я выбрал самбо. Скучал,

пожалуй, только на занятиях по научному коммунизму. Время было уже не то, а этот предмет преподавался с тем же апологетизмом.

Меня особо отметили на сдаче квалификационного экзамена в адвокатуру. Сказали: «Побольше бы нам таких, это наша надежда. Никифоров ориентируется на гражданское право, а на вопросы по уголовному праву ответил более компетентно, чем отставные следователи, приходящие в частную практику».

Пик самого тяжелого времени новейшей истории — 90–91-е годы. Разруха. Я тогда учился в Санкт-Петербургском университете. Одну зиму на юридическом факультете

приласкала ее. Кошка у нее заснула. Она так лекцию и читала — с кошкой на руках. Это воспоминание очень сильно врезалось в память: объект, который от лектора народ отвлекал, присоединился к докладчику в двойной концентрации.

У меня перестали брать взносы в комсомольские организации как раз в том году, когда я поступил на юрфак. На юрфаке уже не было комсомольских организаций. Но дисциплина, которая была основана на учебнике научного коммунизма, и преподаватель, которому было 60 лет, и 40 из них он преподавал научный коммунизм, — остались. По ним экзамен был, это самое неприятное.



В России каждый может открыть юридическую фирму

реально не было отопления. Мы сидели, писали в перчатках. Замерзала паста в ручках. Мы дышали на них, клали за пазуху, чтобы согреть пасту. Все носили по две ручки: одну отогреваешь, другой пишешь.

По юрфаку толпами ходили бездомные кошки. Однажды на лекции по подиуму, где читала лекцию профессор, стала ходить взад-вперед кошка. И естественно, все внимание студентов очень быстро переместилось с нашего лектора на животное. Профессор не ступала, поняла, в чем дело, взяла эту кошку на руки,

Преподаю давно, с 1996 года. Характер курсов изменился, изменился стиль преподавания. Но я всегда исповедовал дискуссионный метод, когда ты для каждого казуса или примера в дискуссии с аудиторией находишь наиболее верные решения. И меня совершенно не смущает, когда одну и ту же задачу мы в разных группах решаем по-разному. В спорах рождается истина. И этот процесс дискурса очень привлекает.

Студенты со свежей головой находят иногда оригинальные и, пожалуй, более правильные решения, чем

мы — преподаватели. На кафедре мы обсуждаем: а как в такой ситуации быть? Где-то они больше в курсе свежих новостей. Но главное, это, пожалуй, энергетика. Не могу сказать формулу, но сто процентов, что процесс взаимодействия с юной аудиторией заряжает и мотивирует.

Я наблюдал провал интереса студентов к учебе в конце первого десятилетия нового века. Сегодня вижу, что им интересно так же, как и мне в свое время было интересно грызть гранит науки. Программа сегодня

лей старшего поколения на кафедре не то, чтобы никто не умел работать на компьютере, никто и в глаза не видел его. Мне было легче, я знал, как работает то, что регулирую, понимал, как будут работать правовые нормы, которые ориентированы на этот практический предмет. Поэтому на старте меня рассматривали как специалиста по IT-технологиям, которым до сих пор и остался.

И международный арбитраж — это процесс, а не субстантивная материя. Там много серьезных лицензи-

Наиболее известная — принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА. Есть более детальный и тяжеловесный документ, который называется DCFR — Draft Common Frame of Reference. Мы с кафедрой его перевели на русский язык, это толстенная книжка. Считается, что для континентальных наций это прообраз общего гражданского кодекса, единого для всех.

Любимая тема — транснациональные негосударственные, но сегодня уже писанные нормы права. Я с ними столкнулся в очередной раз, когда у меня был арбитражный процесс в Турции по турецкому праву. Мне было легко ориентироваться в турецком праве потому, что многие его положения буквально, как калька, воспроизводят международные транснациональные принципы. Стал выяснять, что к чему. Оказалось, что в Турции современные законы писали швейцарские правоведы на основании родного им кодекса. А швейцарский кодекс, в свою очередь, очень сбалансированный (исключение — архаичные конструкции, которые пришли из веков и до сих пор нет смелости их изменить или отменить, хоть они нелепы и неестественны). Он лег в основу международного регулирования. У турок, соответственно, гражданское право близко к швейцарскому, они даже применяют в своих судах прецеденты швейцарских судов. То есть ты можешь прийти к турецкому судье и взять постановление суда какого-нибудь кантона, и для судьи это будет авторитет. Получается, что из национальных правовых систем, наверное, мне нравятся швейцарская.



Горжусь тем, что я возвращенец

основана на самостоятельной работе студентов. У них гораздо меньше аудиторных часов, чем было в советское время. Не знаю: хорошо это или плохо, потому что надо иметь силу воли и самодисциплину, чтобы в хороший осенний или весенний день пойти сесть в библиотеке или дома за учебники и за компьютер, а не заниматься каким-то более приятным времяпрепровождением.

Я начал заниматься правом интеллектуальной собственности потому, что это было наилучшим использованием моих компетенций. Когда учился на старших курсах, в России впервые появились правовое регулирование компьютерных технологий, закон о программах для ЭВМ и базы данных. А из преподавате-

онных споров, в том числе и в сфере цифровых технологий. Международное право — тоже естественные отклонения. Дело в том, что в царской России не изобрели авторское право, а переписали международные конвенции. Оно впервые появилось на западе, было зафиксировано в международных конвенциях. Корни классического регулирования интеллектуальной собственности лежат в международном праве, и многие из норм международных договоров имеют прямое действие в России. Так что эти три ипостаси на самом деле близнецы-братья.

Мне больше всего по душе транснациональное право. Есть модельные кодификации общих принципов международного частного права.

В водительских правах у меня открыты практически все категории, включая фуру. Каждую категорию я сдавал по-честному. Не с первого раза, но без всякой протекции. Водить фуру — очень мужское занятие.

Горжусь тем, что я возвращенец. После юрфака я уехал в США. В России были смутные времена, середина 90-х. Моя семья считает, где родился — там и пригодился. Именно благодаря семье нашел в себе решимость покинуть обустроенную, размеренную и комфортную среду. Решился на повседневный челлендж существования в отечестве. Вернуться на родину — поступок, которым я горжусь и который потребовал сделать выбор.

Я не сожалею о поступках, потому что мне кажется, что это путь к самоугрызению. Сделанного не вернешь. Я сожалею о том, чего не совершил, о том, чего не сделал.

В России уникальная ситуация: каждый может открыть юридическую фирму. Я был экспертом на процессе в Голландии, где решался спор о партии груза. Применялись нормы морского права. Вопрос был нетривиальный: ни в книгах по морскому праву, ни в прецедентах не нашел отражения. Требовалось экспертное заключение, где надо было показать, как из совокупности обстоятельств разрешить этот вопрос. Я был экспертом по русскому праву, адвокаты голландские, судья голландский, суд голландский. У меня был контрагент — глава достаточно видной на тот момент фирмы, которая специализировалась на морском праве. Но, честно говоря,

мы нанесли удар ниже пояса, когда заявляли о присоединении к материалам дела показания этого эксперта. Наши адвокаты и адвокаты стороны, которая назначила меня экспертом, заявили: «Ваша честь, а Вы знаете, что у эксперта противоположной стороны нет юридического образования?» Это было сущей правдой и шоком для адвокатов оппонентов. Все попросили паузу, посоветовались между собой и обратились к судье: «Мы просим отложить заседание на три дня». Судья посмотрел на них и сказал: «Вы что думаете, за это время Ваш эксперт получит юридическое образование?»

Творческий характер профессии — одна из причин, которые движут мной. В западной юрфирме многие становятся юридическими клерками, которые заполняют бесконечные формуляры, что совершен-

К недостаткам профессии можно отнести стрессовый характер работы. Особенно в России. Когда у человека все хорошо, на душе светит солнце, то к юристу он не идет. Он идет, когда все плохо, кошки скребут. И конечно, этот эмоциональный фон является вредным фактором нашей профессии. В юридической консультации, где стажировался, стол дежурного адвоката называли «стена плача». Надо молоко юристам давать.

Профессиональный принцип — порядочность по отношению к себе, своим сотрудникам, клиенту. На английском это качество называют integrity. И не откусывать больше, чем ты можешь переварить. Есть тренд: юристы набирают себе столько работы, что не хватает времени достойно ей заняться, уделить надлежащее время делу клиента. Это про-



Не считаю, что все предопределено. Человек сам хозяин своей судьбы

но некреативно. Такая участь могла быть уготована и мне. Хотя я и не стал частью пишущей братии, но занятие мое предполагает сочинительство. Есть замечательный козырь по сравнению с теми, кто пишет в стол. Родные шутят: ты уверен, что твой бриф человек пять – десять прочитают и будут знать практически наизусть. Этот креативный элемент мне нравится.

творечит международному кодексу этики адвоката.

Мы в ответе за тех, кого приручили. Лучше сделать два проекта, но с полной самоотдачей. Знать, что ты выложил полностью, у тебя было время, ты был свежий и цепкий, а не замороженный. И не приукрашивать. Это иногда бывает сложно. А если у клиента плохой кейс, с порога го-

ворить ему: «Ребята, мы лучшие, никто лучше нас ваш кейс не проведет. Возможно, вам будет легче. Но не думайте, что в вашей ситуации вы выйдете из дела белым и пушистым».

Меня огорчает формализм. Когда отсутствует интерес к делу. Мне кажется, что у каждого есть сфера, в которой он будет себя самореализовывать. Обязательно это должен быть бизнес. Это может быть и стряпня на кухне. Почему-то несчастные люди зашоренно идут по тропе, которую общество им диктует как правильную, престижную. Или они уже впряглись и по сторонам ничего не видят, и занимаются тем делом, которым не призваны заниматься. Это меня огорчает.

добранную на компьютере, тебе филигранно специализированный для этого автомат сделает.

А мысль автора была очень простая: это же кто допустит робота к такому таинству, как собственная прическа? Вот я бы приравнял в этом смысле юристов к парикмахерам: кто допустит робота к такому таинству?

Я считаю, что в экстренном порядке надо разрабатывать законы для роботов. Айзек Азимов в 40-х годах сформулировал главные законы робототехники. На самом деле это законы для людей. Это правила, которым должны соответствовать разрабатываемые человеком системы. Через 20 лет произойдет переломный момент в человеческой истории.

ного автомата должна быть кнопка, нажав на которую можно перейти на ручное управление. Вижу другую проблему: сегодня система искусственного интеллекта, технологии, на которых она основана, не позволяют реконструировать причинно-следственную связь. Почему умный автомат совершил то или иное действие — черный ящик. Он получает что-то на вход, ты получаешь на выход вероятностный вывод. Как автомат к нему пришел, технология реконструировать не позволяет. А это приводит к казусам.

Например, в ряде штатов США в уголовных делах решения по вопросам факта события, виновности выносят присяжные. Судья с учетом вердикта присяжных дает юридическую квалификацию, какой уголовный состав присутствует в деле.

А вот для оценки, сколько лет дать преступнику, могут учитываться выводы машины, которая на основании многолетней статистики делает прогнозы о рисках повторного преступления. И оказалось, что программа в группу риска чаще включает людей, которые не относятся к белой расе, детдомовцам, людям из плохих кварталов. И это понятно: потому что статистически именно эти категории населения чаще склонны не исправляться.

Но если поглядеть с другой стороны, то это расизм в чистом виде. Машина рассматривает человека как потенциального преступника просто за то, что он не относится к белой расе. Мощные системы, которые сегодня существуют, не позволяют узнать, почему так происходит. Это черный ящик. Он берет вводные,



Технологии освободят юристов от рутины. Но не поглотят. Часто посетителям адвокатского образования не нужен юридический совет. Нужно, чтобы их выслушали, посочувствовали. Компьютер этого не сможет. Запомнилась мне статья, где говорилось о том, что искусственный интеллект и автоматизация не смогут победить профессию парикмахера. И я невольно возразил: как же, сегодня овец стригут роботы, и прекрасно это делают, и сто процентов прическу, заказанную и по-

Сегодня умные автоматы конструирует человек. Потом умные автоматы смогут конструировать другие умные автоматы. В те автоматы, которые мы создаем, нужно заложить базовые принципы, основной закон, которые обязательно должны наследовать порожденные ими машины.

Один из принципов, который уже сегодня реализован в законодательстве Европейского союза, — принцип красной кнопки. У любого ум-

выдает вывод, не всегда соответствующий нашим базовым человеческим ценностям, которые мы исповедуем. Но мы ничего не сможем с этим поделать, потому что это — черный ящик. Поэтому мое предложение: нет черным ящикам. Плюс «исходный код» (его аналог) таких систем должен быть доступен всем и каждому.

Я просчитался с трансатлантической регатой. Люблю отдых на воде, но в формате, который среди яхтсменов называется *cruising*, — вальяжное скитание, странствие. В нашей среде перейти Атлантический океан — это мечта жизни, у тех, кто совершил такое, знак отличия. Это символ квалификации, хотя количество человек, которые это сделали, не так уж и велико. Говорят, количество покоривших южные ревущие сороковые широты под парусом в маломерной лодке сопоставимо с количеством побывавших в космосе.

История, в которую я попал, была совершенно не *cruising*, а жесткая гонка. Костяк команды составляли спортсмены, которые не щадили ни оборудование, ни лодку, ни людей. У них был один смысл — победить любой ценой. Я участвовал в одном из этапов. Мы на этом этапе получили приз. Но и лодка, и люди остались совершенно разрушенными. В этом переходе я испытал все негативные переживания и физические ощущения. Не было только одного — страха, потому что было все равно.

Важнейший для меня урок — понял, как мало человеку надо для нормальной жизни. В аскетическом образе жизни человека, который идет на спортивной лодке без всяческих удобств, со скудным рационом,

недостатком времени для сна и постоянной трясучкой, люди реально живут. И первые дни ты еще замечаешь дискомфорт, а потом привыкаешь и понимаешь, что человеку для того, чтобы жить и быть даже где-то счастливым, совсем не надо избытка и излишеств.

У нас был многонациональный экипаж из представителей трех стран английского доминиона — Англии, Австралии, Новой Зеландии. Я выявил для себя правило: у англичан начальник вахты говорит тебе: *go and do this*. Австралийцы говорят: «Слушай, надо сделать то-то, давай я тебе объясню, что надо сделать, как и зачем». А новозеландцы говорят: «Надо сделать то-то, пойдем, для начала мы сделаем что-то вместе с тобой, а остальное ты доделаешь сам». Разные стили менеджмента. Очень хорошая практика, когда ты человека не отправляешь, а говоришь, пойдем, сделаем вместе, я покажу. Стремлюсь воплотить на работе как наставник этот подход.

Авторалли через всю Россию: из Владивостока в Санкт-Петербург — это интересное, захватывающее приключение. Это подарок старшему сыну. Он с детства помешан на всякой самодвижущейся технике. Знает все в моторах лучше меня. Я бывал в дальних автомобильных путешествиях, это довольно скучная, изнуряющая, монотонная тема. Чтобы ее разнообразить, мы стали делать наработки, искать, что по пути есть интересного. И поднялся такой интересный пласт нашей истории, начиная от того, как работали наши верстовые дороги, почтовые тракты,

как обживались соотечественники в Сибири и на Амуре.

К примеру, есть длинный километр и короткий километр. Километровые столбы на российских автодорогах стоят на расстоянии от 800 до 1200 метров. Почему? Когда трасса длинная, на ней расставлены километровые столбы. Сделали транспортный обход города — длина трассы изменилась, обход длиннее. Вместо того, чтобы переставлять пару тысяч указателей по всей магистрали, те же столбы, которые сняли с упраздненного участка, расставляют пореже. И наоборот, дорога шла по дуге, а ее прорезали прямо — тогда километровые знаки стоят плотнее. Есть специальный термин у дорожников — рубленый километр.

Не считаю, что все предопределено. Что человек сам хозяин своей судьбы, и в этом смысле я — фаталист. Человек сам строит свое будущее. И как он себя ведет, так и будет. С другой стороны, есть наблюдение, которое можно отнести к фатализму. Есть поговорка — беды и счастье вереницами ходят. Вот я замечаю, что однотипные события имеют тенденцию происходить кучно. Как звонит телефон, так сразу и вторая, и третья линии. Приглашают куда — сразу несколько писем по разным темам. Ну а с утра не задалось — так весь день наперекосяк.

Не мыслю себя на данном этапе жизненного пути в другой профессии. Вижу в себе сейчас силы и желание заниматься творческими проектами, делать что-то руками, мастерить. Не для заработка, а для души. ■